

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

Походные записки русского офицера

Г. Калуга, 26 октября. Первое место в моих записках должны занимать деяния соотечественников моих — деяния, возвышающие имя и дух русского. Следующим повествованием сделал мне подарок один смоленский помещик, бывший очевидным свидетелем самого происшествия.

...Соединенные войска двадцати народов текли в Россию подобно грозной, черной туче, носящей в себе опустошение и гибель золотой жатвы; врата Смоленска отворились с громом, и через них все бедствия войны внеслись в сердце драгоценного отечества; пламя пожаров пробежало бурей до стен Кремлевских. Хищение, разврат и забвение всего священного, грозя самим Небесам, бродили по развалинам городов и сел; толпы несчастных жителей убегали со страхом, оглядываясь на пепелище домов своих. Там мать с грудным младенцем укрывалась в густоту лесов, страшась не столько диких зверей, сколько свирепых пришельцев; здесь старик под ношею лет и бедствий искал по рощам и полям пищи для продолжения своей жизни и для семьи малолетних детей; сын отыскивал отца своего под развалинами, жена умоляла возвратить ей супруга: все проливали слезы о разлуке с милою родиною. Уже сильные руки во мраке ночей ковали копья, уже косы и серпы острились; но час свободы еще не звучал — и гордый сын Севера, в ожидании его, затаил в груди своей грозное чувство мщения.

Наполеон с адскою усмешкою считал раны, покрывавшие часть России, и наблюдал место, где мог бы еще вернее поразить ее. Желая истлеть нравы русского народа, он учредил на развалинах Смоленска верховный суд и предписал ему довести до сведения оставшихся в городе и округе жителей, что те из них, которые будут недовольны русским правосудием и управлением, могут требовать защиты от французской расправы: видимое желание вооружить против справедливой власти и отечественных законов какую-нибудь толпу беспокойных бродяг

и бросить тем искру бунта в сердца народа! Неудовольствие некоторых крестьян Смоленской губернии на помещика их, оправдав самым не приметным образом сие намерение, показало между тем повелителю французов, до какой степени может дойти благородная гордость русских и на какие жертвы готова любовь их к отечеству.

Известный духом истинного благородства и твердости Смоленский дворянин Энгельгард¹ не ужаснулся нашествия неприятеля. Соболезнуя о бедствиях родины и желая присутствием своим облегчить горестную участь сограждан, он остался в поместии своем, в Духовском уезде. Положа руку на сердце, взглянув на Небеса, он дал Небесам сим обет: среди многочисленных врагов действовать против них же; окруженный чужеземною властью, он решился укоренять в сердцах народа любовь к законному государю, и на пепелищах отчизны своей вознести знамя народной свободы и счастья. «Дела мои, совесть, государь и Бог оправдают мое здесь пребывание!» — сказал он, и начал исполнять священный обет свой.

Некоторые крестьяне его, недовольные устройством, в котором он содержал их во все время общего беспорядка, негодуя на примерную строгость, с которой он наказывал их за участие в грабеже французов и за ослушание против русских законов — крестьяне сии, прельщенные лживыми обещаниями вольности и золотых источников, решились идти в Смоленск ко французскому начальству доносить на своего помещика о лишении им жизни нескольких французов. Просьба крестьян выслушана судьями, произведено следствие, и не найдено никаких следов смертоубийства. Сам предводитель разбойнической шайки постыдился бы произнести решительный приговор над Энгельгардом. Дела потекли по-прежнему в поместьях сего последнего; но дух злобы не дремал: вскоре бунтовщики, подстрекаемые наполеоновыми прокламациями, соединились в небольшую разбойническую шайку, набрали в окрестностях несколько убитых французов, и бросив их в отсутствие помещика под полы его дома, привели из Смоленска французских комиссаров для вскрытия полов сих и свидетельства мертвых тел. Энгельгард найден виновным в смертоубийстве и призван в верховный суд в Смоленск. Восстановитель отечественной свободы, Вильгельм Телль не являлся к грозному притеснителю Швейцарии с такою твердостью духа, с какою вступил в среду судей защитник славы государя и сограждан своих. благородная гордость русского дворянина, уверенность сына отечества в исполнении своей обязанности, любовь к царю и вере сияли в очах его, управляли всеми его движениями и приводили в смущение собравшийся для приговора его французский совет. Не подсудимым казался он, но судьей неколебимым, пишущим толпе преступников приговор к вечному их посрамлению. Наконец Энгельгард осужден быть расстрелян. «Ведите меня скорее к месту моего торжества!» — сказал

он французскому караулу, выслушав со всем хладнокровием приговор свой. — Напрасно прельщали его, от имени Буонапарта, свободою и прощением: тщетно обещали ему высокие почести и награды, если он отречется от законного государя своего и объявит смоленскому народу, что повелитель французов есть ныне настоящий монарх России и помазанник Божий! «Свобода моя принадлежит Богу и царю русскому! — и мог ли Наполеон сделать меня рабом своим? Скажите ему, что я и теперь свободен; скажите ему, что русские дворяне умеют умирать таковыми за Государя своего и Отечество!» — так отвечал он, и повторил снова требование, чтобы его вели скорее к месту казни. Дорогою произнес он раза два сопровождавшему его караульному офицеру известный Корнельев стих!

Le crime fait la honte et non pas l'échafaud.

Не казнь постыдна, преступленье!

На месте казни хотели завязать ему глаза платком; но он, сорвав его с негодованием, сказал: «Руской не боится смерти!» — перекрестился и ожидал роковой пули с твердостью духа, удивившею самих палачей. Свинец засвистал — Энгельгарда не стало!.. Но царь* и Россия его не забудут; сограждане воскресят его в памяти и сердцах своих, и передадут его потомству в пример великих жертв любви к Отечеству.

* Государь император излил щедроты свои на многочисленное семейство Энгельгарда. 1820.